Из воспоминаний Ивановой-Полторадневой Веры Ильиничны о действиях 847-го стрелкового полка. 20 декабря 1965 г.

[…] Пошла на фронт добровольно через райком комсомола.

Формировалась наша 303-я дивизия в вашем городе Гурьевске. Зачислили меня в санроту 847-го стрелкового полка. Здесь нас обучали. Заниматься приходилось много. В мае месяце наша дивизия погрузилась в эшелон, и мы поехали.

Разгрузились, не доезжая километров 50-60 до Воронежа, и пошли пешком занимать оборону к городу Воронежу. И когда стал наш полк подходить к городу, немец встретил нас снарядами, пулями. Немцу было выгоднее тем, что засел в домах, на чердаках, на улицах. И нашей дивизии пришлось занять оборону.

Но наша санрота не успела подойти и развернуться, как навстречу шли раненые, и была команда быстро развернуться для приема раненых.

Здесь мы стояли долго, не давая немцу прорваться дальше вглубь нашей страны.

[…] мы стояли в воронежском лесу, назывался «Роща сердце». Когда мы шли лесом к городу Воронежу, был хороший лес. Лес! Какая дивная природа. По-моему, каждый живущий на земле человек должен любить лес, природу, но этот немец, я не найду слов выразить, что сделал там в течение 3-4 месяцев нашей обороны. Не было ни одного деревца, чтоб не задела пуля, осколок, каждое деревцо умирало стоя, и вот в этом-то лесу были люди, защищая каждый метр леса, не пропуская немца дальше вглубь нашей Родины. И эти воины-сибиряки были из 303-ей стрелковой дивизии.

После мы пошли левее Воронежа и заняли оборону на новом месте.

Здесь я была в 3-ем батальоне санинструктором. Заняли оборону ночью, а утром, где-то в 5 часов, пошли в наступление. Но здесь наш батальон прошел только 3-4 километра, потому что поля были

заминированы. Ко второй атаке батальон готовился трое суток, и ждали приказа. После пошли в бой. К нашему батальону присоединились четыре танка Т-34, из них два танка не прошли метров 200-300 – взорвались, из люка вылез один танкист, помогая другому, одежда на них горела, и они упали на землю. Я побежала к ним, мне кричали вернуться, потому что поля были кое-где заминированы, но я не послушала и побежала к ним на помощь. Одного танкиста я спасла, но он был очень обгоревший, неузнаваемый. Когда его товарищ погиб, танкист потерял сознание, я его оттащила метров 10-15 от горевшего танка, перевязала, и когда он пришел в сознание, с санитаром Васей Переверзевым отправили в санроту полка. Жив ли этот танкист? А со второго танка не удалось спасти ни одного танкиста, потому что люк в танке не открывался, танк горел весь.

И наша дивизия пошла вперед на Курское направление.

Я хочу описать интересную встречу с немцем в погребе. Дело было так. Утром, как стало светло, я стала ходить смотреть место для приема раненых. В это время я временно замещала фельдшера в батальоне, было у меня два санитара – Вася Переверзев и дядя Ваня Шатров. И вот иду и слышу – раздается стон, смотрю кругом – никого нигде не видать. Остановилась, слушаю, все повторяется. Иду ближе. Конечно, домов-то поблизости нет, остались печи да развалины. Смотрю – погреб. Ну, я туда спустилась, гляжу: немец лежит. Но что было со мной, долго или нет я на него смотрела. Опомнилась, когда услышала русский голос: «Сестричка. Он же неживой. Помоги нам, не оставляй нас здесь». Тут я еще больше перепугалась – наверное, немец говорит по-русски. И подумала, умру, и наши не узнают. Ну, думаю, могилку нашла в погребе, готовенькая. Но пришлось подходить. Когда присмотрелась, гляжу – наши лежат двое в солдатской одежде и в очень тяжелом состоянии. Один ранен в живот, другой в обе ноги. Я крикнула своим санитарам, мы их вытащили, перевязали. А сколько было благодарности, какие были ласковые их глаза для нас, что мы их спасли из готовой могилы и отправили в санроту полка.

А что же получилось? Когда был бой до нашей обороны с той частью, которую мы сменили, немец сам залез в погреб и там скончался, а когда та часть стала брать деревню, то наши бойцы, будучи ранены, тоже спустились в погреб, сохраняя себя от обстрела, и ослабев, пролежав несколько часов, не смогли оттуда подняться. Вот такая была встреча.

Наш полк шел через Абоянь на Ржев, шли вдоль линии. С левой стороны лес, с правой – линия железной дороги, а за линией, где-то километра три дальше, деревня, не помню название. Заметили немцев, которые шли к линии, переезду. Командир полка остановил и приказал всем быстро в лес, и назначает для разведки боем к переезду из нашего батальона 5-ю роту, а так как там не было санинструктора – посылают меня. Когда мы добрались к переезду и залегли в снег, лежали с полчаса и ждали, и вот увидели колонну, впереди шло что-то неузнаваемое: на головах – шапки, шали, закутанные в тряпки, а за их спинами сидели на санях господа немцы в маскировочных халатах. Когда стали подходить близко к переезду, наш командир роты дал приказ подняться и вступить в бой. Передняя колонна сразу подняла руки и сдалась. Оказалось, что это мадьяры, а немцы повернули лошадей и поехали в деревню. Наша рота стала преследовать. Когда мы добежали до деревни, то немцы успели занять оборону в домах. Здесь нам пришлось трудновато, завязался бой. Командир роты разъединил на две группы людей, чтобы идти по обеим сторонам улицы. Я осталась по правой. В одном доме я перевязала семь бойцов, во втором – четырех бойцов, когда выбежала на улицу, то услышала крик около следующего дома. Перепрыгнула плетень и увидела раненого бойца. Он лежал на снегу возле кучки соломы. Наклонилась к нему и стала перевязывать, и в это время меня ранило в грудь и в правую руку. Но за мной бежал наш боец, он вперед убил немца в окне, который стрелял из окна в нас обоих, а потом стал перевязывать нас. Вскоре подошел наш полк, нас всех раненых перевязали в санроте и отправили в полевой госпиталь. По излечении я снова прибыла в свой полк.

Были на Курской дуге, стояли в обороне. Вызывает меня командир батальона и говорит: сейчас понесут ужин бойцам на нейтральную зону, возьми санитарную сумку, пойдешь с ними, там окажешь медицинскую помощь.

И вот мы пошли. Два бойца и я. Прошли траншеи своей обороны. Кругом тихо, порой только освещает ракета да летят трассирующие пули. Пришлось идти и ползти. И вдруг очень близко осветила ракета, и мы заметили недалеко немца. Когда ракета угасла, мои бойцы ставят около меня термосы с супом и говорят тихо: лежи и смеются: карауль суп-то, чтоб немец не поел, а мы на охоту. И сами поползли. Пришлось караулить минут 30-40. Оглядываюсь на все четыре стороны и думаю: до своих бежать далековато, вот попала, ночь и дорожку не найду. Слышу – ползут. Свои или немец? Но когда ближе стали подползать, то услышала свое имя. Но охота была не впустую, взяли языка. Один боец взял термосы с супом и пошел к бойцам, а нам пришлось тащить этого немца до своего переднего края.

Вскоре у меня открылось ранение на руке, и отправили в госпиталь в г. Белгород. Это около Старого Оскола.

Когда прибыла в госпиталь, нас оказалось только двое из девушек раненых, так как в полевом госпитале мест не было, госпиталь располагался в школе. Врач нас двоих устроил на частной квартире недалеко от госпиталя по центральной улице. На перевязку и кушать ходили в госпиталь. У меня болела рука, а у моей подруги касательное ранение правого виска, так что мы могли ходить.

И вот как-то ночью в четвертом часу я проснулась и долго не могла уснуть. В нашем садике стояли две зенитки. Слышу – стали бить и так часто. Я встала, одела на босую ногу сапоги и вышла на улицу. Увидела, что из госпиталя все, кто может, убегают, кто как смог. Когда я подбежала и спрашиваю – один боец шагал на костылях и кричит мне: «Беги быстрее – немец!». Я быстро вернулась в дом. Кричу: «Зина, быстрее подымайся», -

а она спокойненько спит. Быстро вскочила, надела сапоги, юбку, а гимнастерки надевали на ходу, выбежали из дома и побежали, как и все, к мосту. Только перебежали мост, показались два немецких самолета, стали бомбить окраину, где был мост. Но не знаю, остался он целый или нет. И наш путь был 45 километров до ст. Корочи. А что было с нашими ногами! Пришлось ножницами перерезать мозоли, потому что бежали в одних сапогах без портянок, марш был хорош. Немцам сдаваться нельзя. […]

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 315, л. 20-24. Подлинник. Машинопись.